

Из-за того что его голос сорвался и стал совсем тихим, невнятный лепет завис в воздухе. Не то стон, не то глухое "ма...", сорвавшееся с губ, прозвучало смазанно и беспомощно.

Бо Хуай не удержался от легкой улыбки:

— От трех лет до расстрела. Думаю, игра не стоит свеч.

Цзянь Сунъи лишь шумно выдохнул, не найдя что ответить.

Когда до парня наконец дошло, что Бо Хуай не собирается ничего с ним делать, да и вообще не имеет таких намерений, его уши мгновенно залила густая краска.

Бо Хуай выпрямился.

— Скинь одеяло, остынь немного, а то совсем задохнешься. Я сейчас принесу подавитель.

— Не надо, я сам.

Цзянь Сунъи попытался встать и сделать шаг к сумкам, но колени вдруг предательски подогнулись. Земля ушла из-под ног, и он начал заваливаться.

Бо Хуай среагировал мгновенно.

Перехватив его за плечо одной рукой, а второй крепко обняв за талию, он удержал парня. Лишенный сил Цзянь Сунъи практически всем телом навалился на Бо Хуая.

Тонкая хлопковая футболка никак не могла сдержать тот обжигающий жар, который исходил от Омеги в период гона. Дыхание Бо Хуая на мгновение сперло, став тяжелым.

Цзянь Сунъи же чувствовал лишь одно: прохладный, чистый аромат соснового бора после снегопада, исходящий от этого человека, невероятно успокаивал. Холодная кожа Бо Хуая манила своей свежестью. Это было так приятно, что устоять оказалось выше его сил.

Недолго думая, он чисто инстинктивно обхватил Бо Хуая руками и ногами, словно цепляясь за спасительный ледник.

Все-таки они друзья детства. В такой критический момент использовать приятеля вместо куска льда — вполне законно, разве нет? Окруженный всеобщей заботой и привыкший получать все по первому требованию, молодой господин Цзянь сейчас не забивал себе голову лишними мыслями. Раз подвернулся холодный источник, значит, отпускать его нельзя.

Бо Хуай, в отличие от своего непутевого друга, чистыми помыслами не отличался, да и ледышкой на самом деле не был. Тело под натиском чужого тепла стремительно разогревалось. Желая облегчить страдания друга, он одной рукой крепко придерживал его за талию, не давая соскользнуть, а второй лихорадочно рылся в рюкзаке в поисках заветной ампулы.

Когда он наконец выудил подавитель, состояние прильнувшего к нему Цзянь Сунъи стало совсем критическим.

Его разрез глаз, обычно напоминающий лепестки дикого персика, сейчас влажно потемнел, подернувшись истомой. Казалось, еще секунда — и это сильное тело просто расплавится в объятиях. Но при этом Цзянь Сунъи вовсе не был похож на хрупкого, податливого Омегу: его тренированные мышцы сохраняли упругость, и он держался за Бо Хуая мертвой хваткой.

Парень слегка приподнял подбородок и сквозь полуприкрытые веки принялся пристально, сверху вниз, разглядывать лицо Бо Хуая. У того появились серьезные подозрения: если бы этот несносный мальчишка сейчас окончательно потерял голову от инстинктов и решил заявить на него свои права, он вполне мог бы прямо здесь разложить Альфу и взять силой.

Конечно, кто кого бы в итоге разложил — вопрос спорный, но судя по упрямому и властному выражению лица юного господина, спеси и дури в его голове для такого шага вполне хватало.

Ну и что это за Омега, спрашивается, с таким-то характером?

К счастью, планка запросов у этого гордеца всегда была запредельно высокой. Тот, кто уступал ему хоть в чем-то, даже не удостоился бы взгляда, так что можно было не переживать, что какой-нибудь другой несчастный — или, напротив, безумно везучий — Альфа падет жертвой его необузданных порывов.

Бо Хуай и злился, и хотел рассмеяться одновременно.

Сжав крепче чужую талию, он аккуратно уложил упряма на кровать и бережно, но настойчиво расцепил его руки, блуждающие по чужому телу.

Зажав его правое запястье, он негромко, но строго произнес:

— Не дергайся. Если смажем укол, только сильнее намучаешься.

Тот, кто в обычное время при любом удобном случае лез на рожон и обожал спорить с Бо Хуаем, сейчас руководствовался одними лишь первобытными рефлексам. К удивлению, он мгновенно притих и замер, покорно позволяя держать себя за руку, пока Бо Хуай вводил лекарство.

Однако инъекция будто бы прошла впустую. Лекарство не подействовало сразу, а из-за того, что Бо Хуай отстранился, внутри у Цзянь Суньи вновь заворочалось томительное, тягучее чувство пустоты.

Он крепко стиснул зубы, сдерживая рвущиеся наружу звуки, потому что сам не понимал, какой стон может сорваться с его губ.

Это было совсем не похоже на ту разрывающую боль, которую он испытывал во время вторичной дифференциации. Сейчас всё его существо наполняло смутное, неодолимое томление, жажда чего-то большего.

Он не был наивным ребенком и прекрасно понимал природу этого желания.

Осознание этого принесло с собой жгучее чувство стыда, но где-то на подсознательном уровне билась мысль: Бо Хуай — свой. Ему можно доверять без оглядки, у него можно требовать всё, что угодно, перед ним не нужно держать лицо.

Подчинившись этому глубинному инстинкту, он снова обвил руками талию стоявшего перед ним парня. Ткнулся подбородком в его плечо и бессильно, точно лишившись костей, повис на нем, жадно вдыхая дразнящие феромоны.

Для Бо Хуая это испытание становилось невыносимым.

Интересно, как этот балбес вообще слушал уроки анатомии и гигиены в школе? Неужели он не понимает, что своими действиями может спровоцировать у Альфы вынужденный гон? Если это произойдет, последствия будут необратимыми.

Но разжать руки и грубо оттолкнуть его Бо Хуай просто не мог. Сердце не позволяло.

Оставалось только терпеть, проходя через этот ад.

Он начал осторожно высвобождать свои феромоны — ровно в той концентрации, которая могла бы успокоить Цзянь Суньи, но не привлечь чужое внимание за дверью. Одновременно с этим Бо Хуай свободной рукой схватил блокиратор запаха и щедро распылил его вокруг, чтобы не устроить кровавую баню в коридоре, где жили одни Альфы.

И, конечно, чтобы самому окончательно не сойти с ума от густого аромата дикой розы.

Обычно подавители начинают действовать в течение пяти минут. Но прошло уже больше двадцати, а Цзянь Суньи, хоть его состояние и перестало ухудшаться, так и не пришел в себя.

Бо Хуай вспомнил предупреждения врачей: реакция на гон напрямую зависит от физиологии.

У тех, кто дифференцируется позже обычного, первый гон протекает гораздо тяжелее и идет волнами. В такие моменты стандартная доза подавителя малоэффективна — ее приходится увеличивать в два, а то и в три раза.

А этот обезумевший от гормонов Омега тем временем уткнулся ему в шею, шумно втягивая воздух, и бессознательно подставлял свою чувствительную железу прямо под его дыхание.

Сладкий плод сам шел в руки, беззащитный и манящий, но прикоснуться к нему сейчас было нельзя.

Бо Хуай горько усмехнулся. Он попытался аккуратно отстранить парня, чтобы достать вторую ампулу, но тот наотрез отказался отпускать его и даже предпринял встречную попытку прижаться плотнее.

— Дай мне просто обнять тебя, тебе жалко, что ли? — в его голосе смешались капризная обида, раздражение и сонная, нежная ласка.

Против этого оружия у Бо Хуая не было средств.

Кое-как, бесконечными уговорами и лаской, ему все же удалось сделать второй укол. На этот раз лекарство подействовало: хватка на его талии ослабла, жар, исходивший от кожи Омеги, начал медленно спадать. Парень все еще недовольно хмурился, не желая отпускать свой спасительный "ледник", но когда Бо Хуай уложил его обратно и укутал в одеяло, сопротивляться не стал. Он послушно свернулся калачиком, оставив снаружи лишь свое красивое лицо, все еще хранившее следы недавней лихорадки.

Бо Хуай взгляделся в его лицо, подметил розоватые тени, оставшиеся в уголках глаз, и осторожно коснулся его лба тыльной стороной ладони. Брови Альфы тревожно сдвинулись к переносице.

— Все еще нет сил?

— Угу... Уже легче, но все равно как-то муторно. И жарко очень.

Похоже, полностью сбить симптомы так и не удалось.

Когда Бо Хуай искал лекарство в рюкзаке, он наткнулся всего на две ампулы. Видимо, тот, кто собирал вещи для Цзянь Суньи, посчитал, что этого запаса хватит с лихвой.

Но, судя по всему, сейчас они лишь временно заглушили бурю. Ночью или утром гон может вспыхнуть с новой силой, и тогда понадобится третья ампула.

Выдача таких препаратов Омегам строго контролируется. Если они обратятся в местный медицинский пункт, скрывать истинный пол Цзянь Сунъи больше не удастся. На его тайне можно будет поставить крест.

Но если оставить все как есть, завтра на тренировках Цзянь Сунъи просто не выдержит. Даже если физически он пересилит слабость, его феромоны неизбежно выйдут из-под контроля. И никакой блокиратор не спасет его в окружении толпы Альф — малейшая утечка запаха обернется катастрофой.

Этого риска Бо Хуай допустить не мог.

Он плотно сжал губы, аккуратно подоткнул одеяло и негромко произнес:

— Твои гормоны сейчас пришли в норму, безумных порывов больше не будет, но слабость еще останется. Поспи, восстанови силы. Мне нужно ненадолго отлучиться.

Почувствовав долгожданное облегчение после двух уколов, Цзянь Сунъи действительно успокоился. Однако уход друга вызвал у него глухое недовольство.

— Какого черта ты поперся на улицу среди ночи? Коров воровать собрался? — проворчал он себе под нос.

Бо Хуай, уже стоя в дверях, обернулся и с улыбкой изогнул бровь:

— А ты предлагаешь мне остаться? Чтобы Омега в период гона продолжал нагло лапать меня и пользоваться моим телом?

Воспоминания о собственном бесстыдном поведении лавиной обрушились на несчастного Омегу. Лицо Цзянь Сунъи мгновенно вспыхнуло до самых корней волос.

— Да катись ты отсюда! Быстрее! Тоже мне, нашелся тут принц... Я вообще-то за свою девственную честь переживал, вдруг ты на мою красоту позаришься! — вскипел он от смущения.

Бо Хуай спорить не стал и тихо прикрыл за собой дверь.

Когда щелкнул замок, Цзянь Сунъи внезапно показалось, что эта крошечная, унылая комнатка в десять квадратных метров вмиг стала пустой и пугающе холодной.

Он что-то невнятно пробурчал, отвернулся к стене и с головой зарылся в одеяло.

Сначала он честно собирался дождаться возвращения Бо Хуая, но убойная доза подавителей сделала свое дело — веки отяжелели, и он провалился в глубокий, беспамятный сон.

Бо Хуай дошел до самого конца коридора, где располагалась общая душевая. Зайдя в самый дальний угловой отсек, он включил воду, настроив напор так, чтобы шум капель не разносился за пределы душевой. Сняв одежду, он шагнул под ледяные струи, позволяя обжигающему холоду омыть его с головы до ног.

В два часа ночи в глухих горах было значительно холоднее, чем можно себе вообразить. В пустой душевой мерно и сиротливо шумела вода — этот звук казался бесконечным и одиноким.

Когда тело окончательно онемело от холода, он выключил воду, оделся и, даже не вытерев мокрые волосы, вышел на балкон, подставляя себя под пронизывающий, сырой ночной ветер.

Холод отрезвлял. Он возвращал ясность мыслям и укреплял пошатнувшийся самоконтроль.

Бо Хуай простоял там очень долго. Когда он наконец вернулся в комнату, Цзянь Сунъи уже крепко спал.

Вот только матрас на этой армейской койке был слишком жестким, кровать — узкой, а действие лекарств — нестабильным. Сон парня был тревожным.

Одеяло уже давно валялось на полу, а сам он сжался в клубок на самом краю постели — один неловкий поворот, и он полетит вниз.

Бо Хуай подошел ближе и коснулся его лба. Тот все еще был горячим.

Когда Цзянь Сунъи спал, от его дневной спеси, надменности и высокомерия не оставалось и следа. Черты лица смягчились, на лбу пролегла едва заметная складка. Почувствовав приятную прохладу от ладони Бо Хуая, он инстинктивно потерся об нее щекой, точь-в-точь как домашний зверек, выпрашивающий ласку.

Это выглядело одновременно трогательно и нежно.

Бо Хуай тихо вздохнул, осторожно переложил парня поближе к стене и прилег на самый край постели. Чтобы освободить для друга как можно больше места, он лег на бок, согнул одну ногу в колене, соорудив надежный барьер от падения, и обнял его за талию, пытаясь передать остатки своего холода его разгоряченному телу.

Цзянь Сунъи во сне повернулся, утыкаясь лицом прямо ему в грудь. Его незащищенная шея с

нежной железой оказалась прямо перед глазами Бо Хуая. Парень завозился, устраиваясь поудобнее и отыскивая самое комфортное положение.

Бо Хуаю показалось, что даже сквозь плотный слой блокиратора он уловил тонкий, сводящий с ума аромат дикой розы.

Он чуть пригнул голову и беззвучно прикоснулся губами к макушке этого колючего цветка, прячущего свои шипы во сне, воруя эту мимолетную сладость.

Конечно, поступать так было низко. Почти подло — пользоваться чужой беспомощностью.

Но он так долго разыгрывал из себя безупречного благородного джентльмена, что один раз позволить себе маленькую слабость казалось вполне простительным грехом.

Но он явно переоценил стойкость своей юношеской плоти. Стоило ему лишь слегка поддаться искушению, как кровь в жилах мгновенно закипела, отзываясь недвусмысленным напряжением внизу живота.

Сделав глубокий вдох, он поспешно отодвинулся назад, согнул колени и слегка ссутулился, стараясь держаться на безопасном расстоянии, чтобы случайно ничем не задеть спящего.

Он закрыл глаза, на его губах появилась горькая, беспомощная усмешка.

Наверное, именно так и выглядит тайное юношеское чувство, которое годами прячешь в самой глубине сердца.

В нем уместается вся возможная нежность — и вся жесточайшая, ломающая ребра дисциплина.

Когда зазвонил будильник, небо за окном едва окрасилось в темно-синие предрассветные тона.

Цзянь Сунъи недовольно перевернулся и с головой ушел под одеяло:

— На улице еще темень непроглядная, какой подъем? Что за дебил вообще придумал этот график?

Если бы его утренний гнев не был настолько разрушительным для окружающих, госпожа Тан в свое время вряд ли пошла бы на штурм школьной администрации, выбивая для сына законное освобождение от ранних утренних занятий.

А вот Бо Хуай к этому моменту уже полностью оделся. Он сидел на краю своей кровати, широко расставив ноги, опершись локтями о колени и уперевшись лбом в сжатые кулаки. Выглядел он совершенно разбитым.

— Вставай, — негромко, осипшим и забитым простудой голосом позвал он. — Я, кажется, заболел. Температура. Сможешь поехать со мной в город, в больницу?

Цзянь Сунъи мгновенно сбросил одеяло, рывком сел и, подавшись вперед, прижал ладонь к его лбу.

Кожа была обжигающе горячей.

— Твою мать! — выругался он. — С чего тебя так развезло-то?

Даже не думая смущаться присутствием Бо Хуая, он за пару секунд натянул одежду и приготовился взвалить друга на плечи:

— Идем, я отнесу тебя в медпункт базы.

Бо Хуай слабо отстранился:

— Не надо, в медпункт нельзя. Идти я сам могу. Сейчас найди Бай Пиншаня. Скажи ему, что у меня сильный жар, нужно ехать в городскую больницу под капельницу. И добавь, что у тебя тоже раскалывается голова, похоже, заразился от меня, поэтому ты поедешь сопровождающим — присмотреть за мной и заодно взять таблеток.

— Да это и так понятно! — вскипел Цзянь Сунъи. — Какого хрена я бы остался тут, пока ты в таком состоянии?

Бо Хуай убрал руку с его плеча и покачал головой:

— Главное — сделать так, чтобы с нами не поехал никто из учителей.

Он сделал паузу, собираясь с силами:

— У тебя осталось всего две ампулы, этого мало. Я несовершеннолетний Альфа, в аптеке мне серьезные блокираторы и подавители без рецепта и документов Омеги никто не продаст. Тебе придется лично идти в специализированный отдел клиники и оформлять рецепт на себя.

Цзянь Сунъи осекся. Дыхание на секунду перехватило.

— Ладно... Сиди здесь и не дергайся, я быстро к Старине Баю.

Стоило ему распахнуть дверь, как он нос к носу столкнулся с Ян Юэ, который с полотенцем на плече топал умыться. Цзянь Суньи мертвой хваткой вцепился в его плечо:

— Ян Юэ! Где сейчас Бай Пиншань?

Тот со сна соображал туго и лишь растерянно захлопал глазами:

— Э-э... Старина Бай внизу, на дежурстве дежурит. А что стряслось-то?

— У Бо Хуая сильный жар. Мы едем в больницу.

— Чего?! — Ян Юэ моментально протрезвел. — Наш непобедимый Дедушка Бо слег с простудой? Ну я же говорил! Какого хрена вы, столичные неженки, вечно выпендриваетесь? Нормально же со всеми в бане под горячей водой мылись, нет, блин, надо было ему посреди ночи перетянуться в душевую и под ледяной водой закаляться!

— Посреди ночи? Под ледяной водой?

— Ну да! Часа в два ночи дело было. Я как раз вставал отливать, смотрю — он из душа идет, весь мокрый и синий от холода. У меня аж инфаркт чуть не случился, думал, привидение по коридору шастает...

Цзянь Суньи не стал дослушивать этот поток красноречия. Его лицо мгновенно окаменело, а в глазах зажегся недобрый, холодный огонь. Он крепко сжал кулаки, шумно выдохнул сквозь зубы и, не проронив ни слова, стремительно бросился вниз по лестнице искать классного руководителя.

Старина Бай поднялся в комнату, лично оценил состояние Бо Хуая и согласился, что дело плохо — парня нужно срочно везти к врачу. К тому же эти двое умели вешать лапшу на уши с таким невозмутимым видом, что заподозрить подвох было невозможно. Связавшись по телефону с родителями Бо Хуая и получив их согласие, учитель выписал им увольнительные.

Директор Пэн Минхун на базу еще не приехал, а на плечах Бая лежала ответственность за целый поток школьников, так что поехать с ними он физически не мог. Да и парни были уже взрослыми лоботрясами под метр девяносто ростом — обычная простуда не казалась чем-то катастрофическим, требующим конвоя.

Для надежности администрация базы выделила им дежурную машину с водителем.

Всю дорогу до города в салоне царил глухой, тяжелый молчок. Цзянь Суньи сидел,

отвернувшись к окну, его губы были сердито сжаты в тонкую линию, а на висках от едва сдерживаемого гнева ходили желваки.

Эта ярость оказалась настолько сильной, что начисто заглушила все остаточные симптомы его собственного недомогания.

В больнице он взял все заботы на себя: сам заполнял бланки, регистрировал Бо Хуая в приемном покое, сдавал кровь на анализ, оплачивал счета и забирал результаты исследований. Хмурый, сосредоточенный, он вихрем носился по коридорам, шурша бумажками.

Бо Хуай, наблюдая за ним из-под полуопущенных век, подумал, что изнеженный молодой господин Цзянь, пожалуй, впервые в жизни оказался в подобном захолустном медицинском пункте и занимается такой приземленной рутинной. Наверное, для него это было суровым испытанием.

Лишь когда Бо Хуая наконец устроили в палате и поставили капельницу, Цзянь Суньи немного успокоился. Он негромко переговорил с дежурной медсестрой, попросив присмотреть за больным, и поспешно вышел.

Вернулся он минут через пятнадцать. В руках у него была зажата новенькая ампула подавителя. С размаху положив ее на прикроватную тумбочку прямо перед носом Бо Хуая, он процедил сквозь зубы:

— Ну что, теперь ты доволен?

Бо Хуай молча перевел взгляд на иглу в своей вене и промолчал.

Это красноречивое молчание лишь подлило масла в огонь. Цзянь Суньи окончательно сорвался на шипение:

— Бо Хуай, у тебя вообще мозги есть? Какого черта ты творишь?! Ночью, после нормального душа, потащился под ледяную воду... И все ради того, чтобы заработать этот гребанный жар, выбить направление в город и привезти меня сюда за этой чертовой ампулой?! Ты больной на всю голову!

Бо Хуай медленно поднял на него тяжелый, воспаленный взгляд. Его голос прозвучал сухо и отстраненно:

— А у меня был выбор? Или ты всерьез думал, что в первый день своего дебютного гона, без достаточного запаса медикаментов, ты смог бы прыгать на полосе препятствий среди толпы возбужденных Альф и никто бы ничего не заметил?

— Да плевал я на них всех! Думаешь, я бы не справился?

— Я знаю, что ты у нас всемогущий. Физически ты бы, может, и выдержал. Но ты хоть понимаешь, что ты понятия не имеешь, как контролировать тело Омеги? Стоило бы твоим феромонам хоть на секунду вырваться наружу — и всё. Пиши пропало. Что бы ты тогда делал?

Голос Бо Хуая звучал удивительно спокойно и разумно. Цзянь Сунъи открыл было рот, но возразить ему было нечего. Он прекрасно понимал, что друг прав.

Заметив, что запал у Цзянь Сунъи иссяк, Бо Хуай слегка улыбнулся одними уголками губ:

— Ладно тебе, не надо так переживать и разводить тут драму. Считай это просто дружеской услугой от твоего личного инструктора. В конце концов, ты мне столько лет талдычил свое «брат Хуай» — как я мог оставить тебя в беде? К тому же, если все узнают, что ты Омега, моя будущая победа над тобой потеряет всякий вкус. Еще скажут, что я слабых обижаю.

В обычное время после таких слов Цзянь Сунъи непременно устроил бы грандиозный скандал, высказал бы Бо Хуаю всё, что о нем думает, и обязательно затеял бы шуточную потасовку. После хорошей словесной перепалки вся его злость обычно испарялась сама собой.

Этот сценарий Бо Хуай выучил за долгие годы как свои пять пальцев.

Это был его проверенный способ быстро успокоить вспыльчивого друга и одновременно скрыть за иронией свои настоящие, слишком глубокие чувства. Этот прием почти никогда не давал осечек.

Но в этот раз Цзянь Сунъи повел себя странно.

Он остался стоять на месте, глядя на Бо Хуая сверху вниз. Его взгляд потемнел, а в голосе проскользнула непривычная, глухая серьезность:

— И почему из твоего рта вечно сыплется эта ядовитая чушь? Вот скажи мне, если бы ты с самого детства хоть иногда прикусывал свой язык и не бесил меня, неужели мы бы сейчас так общались?

Он замолчал, подбирая слова, а затем тихо добавил:

— Но знаешь, Бо Хуай... Я ведь не бесчувственное бревно и не круглый идиот. Я прекрасно вижу, кто и как ко мне относится. И то, что ты делаешь для меня, я тоже вижу. Память у меня хорошая. Слышишь? Слишком хорошая.